

те. Прежде всего надо обратить внимание на повторяющуюся строку: *надежды маленький оркестрик под управлением любви* // *Nadziei amatorski zespól, co pod batutą serca gra*. Вместо слова *любовь* Федецкий вводит слово *сердце* (под управлением сердца), а сердце и любовь осознаются как феномены (явления), находящиеся в состоянии логической смежности: сердце рассматривается как орган –местилище любви: в сердце пылает огонь любви. Представляется, что в польской культуре сердце – слово значимое, культурный концепт. Поляки говорят: *у кого-то сердце на ладони* (*ktoś ma serce na dłoni*) – эквивалент русского *душа нараспашку*, у поэта – Словацкого: *Jeżeli gryzę co – to sercem gryzę* (поэма «Беневский»), *Serce niepasyczone* у Стефана Жеромского – данное определение впервые употребил С. Адамчевский в монографии Жеромского под таким же заглавием. Надпись на могиле известного польского писателя – Болеслава Пруса на варшавском кладбище «Повонски»: *Serce serc*, являющаяся переводом с латинского надписи *Cor cordium* на могиле английского поэта П.Б. Шеллея – на протестантском кладбище в Риме. Другой пример и значение со словом *сердце* в польском языке это: *Zatwardzić serce* – сделать его нечувствительным и глухим на объяснения (напр., в Библии Ех., 7,3 – *Bóg zatwardza serce faraona*) или же *z ręką na sercu* – в значении: откровенно, искренно. Многочисленные примеры приведенные здесь, хотя и далеко не все, свидетельствуют о большой значимости этого понятия в польском сознании.

Надо отметить дополнение, произведенное Федецьким уже в самом начале песни, которое привело к изменению оттенка целого высказывания, сопоставим, у Окуджавы: *неясный голос труб, слова как ястребы ночные, срываются с горячих губ*, тогда как в польском переводе: *веселый голос труб*, вместо *ночных ястребов* – *słowa jak motyle* – *бабочки улетают с губ* (пропущено слово *горячие*). Противопоставляя: *ястребы* – *бабочкам*, *неясный голос труб* – *веселым голосам труб*, *срываются* – *улетают*, легко заметить отличия в употреблении переводчиком слов, придающих совершенно иной оттенок тексту, т. е., облегчающих, смягчающих оригинальный образ, лишаящий его атмосферы тревоги.

Возможно, эпитет Окуджавы обусловлен атмосферой ночного города (отсылка к названию): в ночи возникает звук, источник которого поначалу трудно различим. Тема ночи, активизированная в названии индуцируется и в сравнении «ястребы ночные» – с другой стороны, выражение отсылает и к когнитивной структуре *войне*: *ночные ястребы* – *ночные бомбардировщики*.

В последней строке Федецкий заменил *черта* – *львом*, сопоставим: *Но кларнетист красив как черт*. В польском переводе: *Lecz każdy przeżył się jak lew*.

В польском языковом сознании слово *лев* вызывает положительные коннотации в данном контексте, т. е. лев – сила, что-то хорошее, красивое. В русском языке вполне допустимо употребление слова *черт* для выражения одобрения, восхищения (напр., вот черти!) – в польском наоборот, это слово ассоциируется с чем-то отрицательным, плохим.

Из польского текста уходит требующее достаточно изощренной интерпретации метафорическое выражение: *вечно в сговоре с людьми*. Переводчик упрощает текст для понимания, используя уже неметафорическое выражение: *Kto najwięcej zbiera braw – nadziei amatorski zespól* (надежды любительский ансамбль, под управлением любви – дословный перевод автора работы).